

Совет Министров РСФСР

Постановление о преобразовании Томского политехнического института в Томский политехнический университет

Совет Министров РСФСР постановляет:

1. Принять предложение Государственного комитета РСФСР по делам науки и высшей школы, согласованное с Министерством финансов РСФСР, Министерством экономики РСФСР, Министерством юстиции РСФСР и Томским облисполкомом о преобразовании Томского политехнического института в Томский политехнический университет.

Преобразование указанного высшего учебного заведения произвести в пределах ассигнований, предусмотренных Государственному комитету РСФСР по делам науки и высшей школы на 1991 год.

2. Предоставить Томскому политехническому университету статус самоуправляемого государственного высшего учебного заведения, осуществляющего свою деятельность в соответствии с собственным уставом.

3. Установить Томскому политехническому университету численность профессорско-преподавательского состава из расчета один преподаватель на четырех студентов.

4. Министерству экономики РСФСР, Государственному комитету РСФСР по материально-техническому обеспечению республиканских и региональных программ и Государственному комитету РСФСР по делам науки и высшей школы предусматривать, начиная с 1992 года, выделение Томскому политехническому университету для реализации комплексной программы его развития дополнительных государственных централизованных капитальных вложений и материально-технических ресурсов.

5. Министерству экономики РСФСР и Министерству финансов РСФСР рассмотреть заявку Томского политехнического университета о выделении средств в свободно конвертируемой валюте на приобретение оборудования, а также на оплату расходов на обучение и стажировку студентов за рубежом и представить предложения в Республиканскую валютную комиссию при Председателе Совета Министров РСФСР.

6. Принять к сведению согласие Томского облисполкома оказывать содействие в развитии Томского политехнического университета.

Заместитель председателя Совета Министров РСФСР О. ЛОБОВ.

«Это не запад», —

говорит о Томске канадец Джим Максвелл. ТПИ и университетом Альберта, подписанному весной этого года, в ТПИ на стажировку приехал из Канады Джим Максвелл. Он аспирант

международной школы бизнеса и темой своей диссертации выбрал советский рынок. Срок его стажировки — до 24 декабря. Два года Джим изучал русский язык, потом 5 лет не было языковой практики, и вот теперь у него есть эта возможность. Живет он в гостинице на Кирова, 2, и уже привык ко многим неурядицам и научился ценить простые вещи. «Горячая вода, — говорит он, — это очень, очень хорошо». И еще он говорит так: «Я должен жить в неприкрашенной жизни, чтобы понять все». Томск, по его словам, это не Запад. Но похоже на родной Эдмонтон: там 600 тысяч населения, так же далеко от столицы, такие же морозы и деревья. Естественно, Джима поразила деревянная архитектура нашего славного города. Сейчас он с головой ушел в работу: очень много встреч, все нужно увидеть и узнать. Не будем мешать. В следующем году уже наш человек поедет в Канаду. Может быть, мы все когда-нибудь станем ездить в Канаду запросто. Как в Калгари, например. И стажировка Джима Максвелла — шаг в этом направлении.

Плодотворной работы тебе, Джим!

Фото М. Пасекова.

На совете ТПИ

О «вечерниках», университете, тепле, деньгах, бюстгальтерах

и другом шла речь на очередном заседании Ученого совета.

Заседание 25 октября началось с награждения, затем перешли к избранию по конкурсу заведующих кафедрами.

Одним из основных вопросов повестки дня был вопрос о «вечерниках». С докладом выступил проректор А. В. Водопьянов. А затем началось... Обсуждение было долгим, высказывались самые разные точки зрения на проблему вечернего обучения. Предлагалось в будущем вообще отказаться от «вечерников» и убить второго зайца усилением «заочников». Присутствующие разделились на две группы: первые предлагали закрыть, вторые — отложить закрытие. Б. В. Семкин предлагал постепенную эволюцию с изменением плана приема, перечня специальностей и объединением двух вечерних факультетов. В. З. Ямпольский предложил немедленную и полную ликвидацию вечернего факультета, для чего призвал к созданию ликвидационной комиссии. Были робкие голоса в пользу замораживания существующего положения с целью реанимации через 2 — 3 года, когда изменится рынок рабочей силы в стране. Сошлись на том, чтобы составить план поэтапного исчезновения вечернего факультета из стен ТПИ.

Далее было еще интересней. Ректор Ю. П. Похолков доложил совету о результатах поездки в столицу. Главный из них: 18 октября было

подписано постановление Совета Министров РСФСР о преобразовании ТПИ в Томский политехнический университет. «Подождет приказа», — сказал Юрий Петрович, поведав о московских тяготах и положительных последствиях постановления для будущего нашего вуза.

Затем с трибуны Л. М. Челомьян отчитался о проделанной работе по обеспечению теплом корпусов и жилых домов ТПИ, он также поклялся согреть всех замерзающих.

Далее слово взял Б. В. Семкин. Он рассказал о том, что в ноябре будет очень плохо с деньгами и, по-видимому, придется оставить без зарплаты многие подразделения института. По сведениям, полученным Борисом Васильевичем на совещании в финансовых органах города, это связано с тем, что один из заводов, печатающих дензнаки, стал, а наша область находится в зоне его обслуживания. Напоследок Б. В. Семкин рассказал о попытках руководства ТПИ обеспечить наш коллектив какой-никакой одеждой и обувью, для чего в Москву были посланы люди. Дело сдвинулось. Надежда есть.

Под самый занавес объявили результаты работы счетной комиссии — итоги голосования за кандидатуры на посты заведующих кафедрами. С тем и разошлись. Поназателен круг обсуждавшихся вопросов: от статуса университета до бюстгальтеров. Это характеризует Ученый совет ТПИ как орган живой, действенный, охватывающий всю полноту жизни коллектива вуза. И это хорошо.

Отзвенели звонки,
отшумели слова,
но остался осадок,
никем и ничем не унятый.

Примерно такое чувство осталось после завершения прошедших в течение недели конференции «90 лет геологического образования в Сибири», «Всесоюзного совещания по подземным водам Востока СССР» и симпозиума «Гидрогеологические проблемы Томской области».

Не секрет, что геологический факультет стоял у истоков высшего (и не только геологического) образования в Сибири. Он внес величайший вклад в заложение и развитие интеллектуального и экономического потенциала Сибири и всей страны. Достаточно назвать Кузнецкий и Канско-Ачинский угленосные бассейны, Западно-Сибирскую нефтегазоносную провинцию, золото, алмазы, никель, железо, лечебные и термальные воды Сибири и Дальнего Востока, чтобы по достоинству оценить труд сибирских геологов.

С именем факультета навечно связаны имена В. А. Обручева, М. А. Усова, Ю. А. Кузнецова, Ф. М. Шахова, М. К. Коровина, К. И. Сатпаева, К. В. Радугина, К. Е. Габуния, Д. С. Микова, П. А. Удодова, М. Э. Янишевского, М. М. Урванцева, П. П. Гудкова, Л. П. Халфина, М. И. Кучина, Б. С. Степанова, которым открыты мемориальные доски на колоннах геологического корпуса. В связи с этим вызывает беспокойство, а сможем ли мы в наше смутное время ниспро-

Заметки с конференции

АКСУ

вержения авторитетов сохранить весьма высокую интеллектуальную марку томского геолога и достойно продолжить святое дело наших учителей.

Открытие мемориальных досок основателю кафедры гидрогеологии М. И. Кучину и основоположнику томской гидрогеохимической школы П. А. Удодову совпало с открытием тринадцатого совещания по подземным водам Сибири и Дальнего Востока и как бы предопределило его психологическую, в основном, эколого-гидрогеохимическую окраску.

О глобальности геологической (и не всегда созидательной) деятельности человека и необходимости выработки научного, в том числе и методологического противоядия с тревогой говорил в день открытия совещания выпускник ГРФ, лауреат Государственной премии, член-корреспондент Академии наук СССР гидрогеолог Е. В. Пиннекер. Ту же мысль, но в свете системности окружающего нас мира и основополагающей геохимической роли системной пары «вода—порода» (особенно «вода—алюмосиликаты») теоретически развил в своем докладе прямой правопреемник и продолжатель дела

П. А. Удодова лауреат Государственной премии, заведующий кафедрой гидрогеологии и инженерной геологии С. Л. Шварцев.

Ученики П. А. Удодова: В. М. Магусевич, А. Д. Назаров, Р. Г. Прокопьева и В. А. Зуев — весьма подробно осветили проблемы нефтегазовой геохимии как весьма перспективной научной ветви единого гидрогеохимического древа.

Весьма интересные доклады были по формированию качества и ресурсов питьевых, лечебно-минеральных, термальных и промышленных подземных вод, методам и методикам их исследования и картирования, математической обработке информации и имитационному моделированию. Выступали гости из Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Перми, Свердловска, Тюмени, Новосибирска, Хабаровска и других городов, представившие различные научные и производственные организации. Освещались глобальные и региональные проблемы. Приятно было слышать, что советская гидрогеология по многим позициям занимает передовые места в мире. Томская гидрогеохимическая школа также хорошо известна и за рубежом.

Но в то время во всех докладах прозвучало беспокойство за неблагополучное состояние окружающей нас природной среды и особенно ухудшения качества питьевой воды как основы для выживания человечества. К сожалению, тенденция к этому есть, она весьма тревожна и пока не предсказуема. Разрушение костей, выпадение волос, увеличение внутренних органов, снижение потенции и иммунитета, расстройство нервной системы и опорно-двигательного аппарата — вот неполный перечень вполне реального нашего будущего.

И вполне своевременно прозвучало замечание А. Хаустова из Иркутского университета, что экология не столько наука, сколько мировоззрение, образ мышления.

«Мы столь радикально изменили нашу среду, что теперь для того, чтобы существовать в ней, мы должны изменить себя». (Н. Винер).
Еще острее проблема неблагополучия с подземной гидросферой и оптимизацией рационального использования и охраны подземных вод высветилась на симпозиуме по гидрогеологии Томской области, проиллюстрированной на примере Томского водозабора питьевых и лечебно-минеральных вод.

Парадоксально, но факт, что томичи до сих пор не осознали уникальность ниспропаленного им свыше природного дара — высокодебитного хранилища пресных вод и его высокую чувствительность к техногенному воздействию. Казалось бы, каждый малец должен оберегать его от поругания. Нет же, городская агломерация как плесень надвигается на этот изумруд, пожирая его защитные функции в виде леса, почв, чистых озер и рек. Как будто беспредельны его возможности.

Совершается коллективное и индивидуальное экологическое преступление против самих себя. Прямо зеленая безысходная тоска иногда наплывает из-за ограниченности человеческого мышления, неспособного предвидеть, последствия своих деяний.

И здесь также ясно просматривается кризис компетентности томских властных структур, которым сам бог велел выкупить либо изъять в коммунальную собственность земли всего Обь-Томского междуречья под национальный парк с соответствующим регионом природопользования и туризма. Видит Бог, была бы моя воля, я бы одним движением руки (по задвижке) образумил бы 400 тысячное население города и включил бы в действие его коллективный аппарат. А может, стоит подумать над этим гидрогеологам?

Примерно такая же картина вырисовывается и с подтоплением и изменением химизма грунтовых вод города Томска, ставящих под угрозу сохранение на просадочных лессовых грунтах милого сердцу старого города. Пригрузка и обруб крутых склонов, непродуманная засыпка оврагов, утечка из водопроводной и канализационной сетей, искусственный микро- и мезоландшафт, загрязненность атмосферы и загрязненность территории — все это скоро непосредственно скажется на нашем благополучии.

Нет никакой гарантии, что границы лагерноосадочного или каштанного склонов не пройдут по улицам Нахимова и Мира, и не появится в квартирах еще больше злых комаров и грызунов или не «поползут» памятники архитектуры. Я уже не говорю о канувших в Лету уникальных скверах (угол Студенческой и Пирогова) или памятниках природы «Дальний ключ», «81-й километр», «Белое озеро»,....

Бедой оборачиваются и золотовалютные подземные клады уникальных по запасам и лечебным свойствам минеральных вод, расположенных на большей части территории лусно — в виде слоеного пирога. Поднимаю тип воды на любой вкус и пей либо купайся. Ан, нет. Томская область единственная в Сибири обладает такими бальнеологическими ресурсами, имеет единственный в Сибири НИИ курортологии, старейшую по возрасту кафедру гидрогеологии и в то же время единственная не располагает ни единым санаторием.

Только в районе города Колпашево — до пяти разновидностей лечебных вод (благо там законсервировали семь чешеполосковых скважин). Можно создать либо колпашевский оздоровительный, либо многофункциональный туристско-оздоровительный центр со стационарными водолечебницами, цехами разлива и рекреационными отделениями.

Активным лечению и отдыху будет содействовать и сама девственная природа, ландшафт слияния трех крупных рек: Оби, Чан и Кети, водный, санный и конный и авиационный туризм; рыбная ловля, охота, сбор ягод, грибов, ореха...

Да и вблизи Томска можно вскрыть радоновые, содовые и хлоридно-натриевые воды.

И здесь опять мы упираемся в ограниченные возможности властных структур, так как научно-информационная база нами уже давно заложена.

Может, все-таки посылать ответственных работников облсовпрофа, обл- и горисполкомов, а заодно и депутатов только в санатории Томской области, заодно они увидят и жизнь местных жителей, и поймут потребность в водолечении.

«Вот, собственно, этим и был вызван неискраемый осадок в душе. Что труд твой ухитит словно в песок, а мог бы принести людям не только радость, но и здоровье».

АКСУ — чистая вода (тюркский)

С гидроприветом

А. НАЗАРОВ.

Революция продолжается?

Теперь официальных торжеств не будет, хотя два выходных пока остаются. О чем думается в эти дни? Тревожно как-то, грядущее, говоря высокопарно, покрыто мраком неизвестности. Ясно одно: мы на пороге больших событий, предстоит коренная ломка всех устоев нашей советской жизни, смена строя. Хотя нигде не сообщается, что мы приступаем к строительству капитализма — все твердят о реформах, рыночной экономике, но за словесной вязью голая правда: переход к капитализму. Святослав Федоров, известный хирург-бизнесмен, называет его народным, но хоть горшком назови, суть не меняется. Ведь есть только два способа общественных отношений (с различными, конечно, модификациями): в одном средства производства, финансы принадлежат государству, они как бы общие, управляющие чиновники ими не владеют, хотя распоряжаются, то есть это наша бывшая командно-административная система. В другом — производства и капиталы поделены между людьми таким образом, что основная часть в руках группы сравнительно небольшой, которая и заказывает музыку, то бишь делает большую политику. Частная собственность — священная жерова, основа, на которой все держится. Иного не дано: или-или. Смена строя — это революция, и идет она сверху. Народ в очередной раз не спросили, не было референдума по поводу капитализма, да и старую конституцию никто пока не отменил.

Интересно, прогнозируют ли там, наверху, какая будет ответная реакция людей труда на эту безжалостную ломку всей жизни. Мне скажут, ты что же, за старые порядки? Нет, я против старых большевистских

методов, а может, конвергенция, ведь все они кончатся большой кровью. И сейчас, опять как в 17-м — до основанья, а затем... Зачем? Ведь меняются только знаки плюс—минус.

Свободные цены, приватизация, фермеры, биржи, брокеры, спонсоры, фирмы, менеджеры, инвестиции, акции — все это каждый день звучит с экранов телевизоров, читается в газетах. Скоро (??) у нас, подразумевается, будет как там, в западном сытом раю, как в Швеции. Очень любим мы эту страну приво- вить в качестве аргумента (и действительно, процветающая страна, где сильная социальная защита), но забывают, какая она маленькая и много столетий не воевала, не имеет армии и проч. А мне вот кажется, что станем мы походить на Бразилию, тоже капиталистическую страну, но бедную, с массой голодных оборванцев, за кусок готовых убить, или на Колумбию, где всем управляет мафия.

Но самое главное, никто не говорит правды: какую цену придется заплатить народу? Но зачем мудрствовать лукаво, правда одна, и она горька: чтобы был капитализм, нужны капиталисты, люди, в руках которых будут большие деньги. А чтобы они сконцентрировались, нужно их где-то взять. Четко заработать 5 миллионов, 50, 500? Не смешите, господа. Тогда откуда? Не надо морочить голову людям: так, как живут в Швеции, США, Японии, мы никогда, слышите, никогда не будем. Перепрыгнуть в развитый мир не удастся. Без долгого периода первоначального накопления капитала не обойтись. Капитализм на Западе развивался постепенно. Кто был сильный,

как Англия, Франция, и т. д., подгрел под себя слабые страны и, превращая их в колониальные, безжалостно «доил». Другие, как США, захватывали чужие земли и истребляли населяющих туземцев, третьи — грабили свой народ. Теперь мир поделен, и, похоже, нам отведена роль старого пустыря, куда развитые страны будут сваливать свои отходы и грязные производства, благо дешевле нашей рабочей силы нет нигде в мире. Ужасно не хочется жить на помойке. Тогда что делать? За счет чего совершить рывок в тот цветущий край, страну Лимонию? А Корея, Гонконг — они ведь равняли. Не надо равнять. Там люди трудятся до седьмого пота, приращенные трудолюбие, или, как говорят, трудолюбки. Мы из другой породы: любимое выражение — работа не волк, в лес не убежит, есть и покруче... И в наших сказках Муромцы сидят на печи, а Емелям помогает «пущье веление». Так где же нам взять капитал, чтоб всех сделать мини- и максикапиталистами? Колоний нам не досталось, вернее были, да мы не захотели (не сумели?) их «делить», а наоборот отдавали свое этим сопотанам и своим окресткам, за что все сейчас бегут от нас как от чумы. Так что народного капитализма не будет — будет варварский, когда небольшая кучка наглых людей ограбит свой народ. Правда, есть еще вариант: распродать ресурсы и земли. А может быть, будет синтез и того, и другого, и третьего?

Посмотрите — это все уже началось, нищета стучится в квартиры, лезет изо всех щелей. А в телевизоре коммерсант с ухмылочкой вещает: да, будут бедные и богатые, (Окончание на 4-й стр.).

НА СНИМКЕ М. Пасекова: В. В. Кривошеев — участник разработки и изготовления дебалансного гидравлического ориентатора. Им подготовлена докторская диссертация, которая в ближайшее время будет защищаться в Москве.

Диалоги о жизни

ЛЕГКИХ ПУТЕЙ НЕ БЫВАЕТ

Сегодня гость нашей рубрики — Леонид Яковлевич Ерофеев, профессор, заведующий кафедрой геофизических методов разведки МПИ ГРФ, коммунист с 1961 года, был секретарем парткома ТПИ с 1983 по 1987 год.

— Леонид Яковлевич, газета с этим материалом выйдет 6 ноября, накануне годовщины Октябрьской революции 1917 года. Раньше эта дата считалась большим праздником, когда загодя готовились к демонстрации, принимали повышенные обязательства. Теперь все ушло в прошлое, организациям даны права сделать эти дни рабочими, хотя, думаю, немногие ратуются агнать 2 выходных дня у простого народа. Есть и такие призывы: считать 7 и 8 днями скорби и траура по великой трагедии русского народа. Каково ваше мнение на этот счет?

— Сложно дать однозначную оценку: праздник или день скорби. Думаю, это упрощенный подход. Белая или черная краска — я не сторонник такого деления. Здесь все переплелось, как и в русской истории. Однозначно: это глобальное событие XX века, и мы не вправе игнорировать такую дату.

— День седьмого ноября — красный день календаря — так мы пели с детства.

— Да, это вошло в плоть и кровь, 74 года со счета не сгинешь. Революция оказала огромное влияние на Европу, да и на весь мир.

— Наш пример — другим наука, и может быть, благодаря нашей революции, капиталистические страны тоже перестроились в свое время, большие куски с барского стола стали выделять своим рабочим, хотя бы из страха и самосохранения.

— Не все так просто. Коммунистические идеи всегда владели умами людей во всех странах. И сейчас есть, и будут их приверженцы.

— Я недавно прочла в «Собеседнике», что в США среди студенчества стало больше сторонников марксистского учения. Несмотря на наш горький опыт, лозунги братства и равенства остаются привлекательными.

— Что ж, отрицательный опыт в науке тоже имеет свою ценность. А ведь революция только приоткрыла дверь в новый мир, путей много, и легких не бывает. Мы пошли одним из них, возможно, тупиковым, приведшим к тоталитаризму и сталинизму, но это только говорит о наших ошибках: конкретных людей в конкретной стране, а не о крахе самих идей. Идеи будут жить, пока в мире есть социальная несправедливость. Сейчас у нас поют дифирамбы капиталистическому строю, но ведь именно в его недрах родился фашизм, и диктаторов-тиранов хватало, к примеру: Муссолини, Франко, Хусейн в конце концов. Так что не надо говорить о социализме как о дороге в ад.

— Но крови за годы гражданской войны и сталинщины пролилось море.

— Да, это так, и потому скорбь правомерна в эти дни. Поручики Голлицыны и комиссары в пыльных шлемах положили свои жизни на алтарь братоубийственной войны. Красный террор, белый террор — может, пора уже ставить общий памятник всем жертвам этого времени? Как в США, где погибшие герои гражданской войны Севера и Юга лежат вместе на одном кладбище. А французская революция — им тоже не удалось избежать ни гражданской войны, ни террора якобинцев. Но ведь эта дата считается там национальным праздником. Вот сейчас поднят ажиотаж вокруг проблемы мавзолея Ленина. Я был в Париже. Там прах Наполеона покоится в сооружении, напоминающем мавзолей. Стоит в нем огромный саркофаг, кстати, одна из его обкладок сделана из уральского камня, вокруг изваяния маршалов, перечислены все победы и сражения. Это история, французы ею дорожат. А мы опять в который раз готовы зачеркнуть свою и начать с нуля. Так что и скорбь, и праздник, а вот форму его проведения, конечно, надо менять. Демонстрация сейчас неуместна, да и нечего демонстрировать. Кстати, я не считаю, что

прежние шествия по улицам были такими уж идеологизированными. Идеология была только у партначальства, на трибунах, а для народа это была разрядка, своеобразный карнавал: люди смеялись, шутили, пели. Коллектив собирался вне работы, это как-то объединяло, оближало людей, было чувство локтя, и хоть это слово сейчас и затаскано, патриотизма. Родина — это ведь не абстракция, это родной город, институт, своя улица. К праздникам ноябрьским и майским все убиралось, мылось, вылизывалось. Люди покупали обновки, накрывали празднично столы, за которыми никто не вспоминал высоких идей — просто веселились. А сейчас, похоже, ни скорби, ни веселья — пустота в сердцах, хмурые лица.

— Вместо демонстрации придут митинги, естественно, к ним никто генеральную уборку города делать не будет, хотя жаль.

— Митинг совсем другое, вот это и есть чистая идеология, мероприятие, где обычно столько выплескивается ярости, злости, негатива, лозунги типа «Долой!», «В отставку!». На одном пятачке свой круг ораторов, на другом — свой, и между ними пропасть ненависти, а к микрофону инакомыслящему не пробиться. Так что, повторяю, надо искать новые формы общественной жизни, не разделяющие людей на враждующие лагеря, а консолидирующие.

— Леонид Яковлевич, если честно, вы вступали в партию по идейным соображениям или потому, что требовала конъюнктура? Ведь не секрет, что без партбилета карьеру сделать было трудно.

— Знаете, это надуманная альтернатива: идея или выгода. Это два полюса, а истина посередине. Да, были те, кто вступал по идейным соображениям, особенно старшее поколение, вступали и из-за карьеры, но большинство людей моего возраста или около шли в партию совсем по другой причине. Возьмем наш институт: вся общественная жизнь кипела вокруг парткома и партбюро факультетов, самые важные решения принимались именно там, собиравшись, можно сказать, цвет вузовской интеллигенции: профессора, директора НИИ, инженеры. Для нас это был своеобразный клуб, где мы общались и решали проблемы вуза. И я вступил в партию не потому, что разделял идеи марксизма-ленинизма, а просто не мог быть вне общественных интересов, которые были сконцентрированы именно в партийной жизни. Казалось, не быть коммунистом — значит оставаться на обочине. Повторяю, высокие идеи не стояли на первом плане — просто хотелось быть в гуще событий. А карьера ученого могла состояться и без партбилета. Мой учитель зав. кафедрой профессор Д. С. Миков был беспартийным, Г. А. Сипайлов, профессор, заслуженный деятель науки, тоже беспартийный — есть масса примеров. Так что стал коммунистом и не жалею о тех годах. Сейчас, кстати, общественная жизнь в ТПИ замерла. Может, в будущем роль парткома и партбюро возьмет на себя профсоюз или другие общественные организации, а пока как-то пусто, что-то ушло хорошее, каждый выбирается в одиночку. Жаль не партсобраний, конечно, обидно терять единение.

— Леонид Яковлевич, расскажите немного о себе, семье, пути в науку.

— Я занимаюсь геофизическими методами разведки, когда изучаются глубокие горизонты земли, куда с молотками не сунешься. Закончил ТПИ, настрой был на производство, распределен был уже в Западно-сибирское геологоразведочное управление, но в это время кафедра остро нуждалась в кадрах, и меня попросили остаться ассистентом. Так и начался мой путь в науку. О себе, семье говорить я не охотник. Все как у всех. Вырос в деревне, в Забайкалье, коренной сибиряк. Большая семья, много детей, мама — учительница, отец работал в колхозе. Предки мои были староверами, их сослали туда два века назад. Да,

те самые староверы, которые крестились двумя перстами. Кстати из этих семей вышло много ученых, вот такая ирония истории. Я тоже убежденный атеист, хотя к вере отношусь с уважением. Почему выбрал геофизику? Рос на природе, любил походы, книги об открытиях, но увлекался и точными науками, физической и математикой, и хотел сочетать все это. Не жалею, что избрал геофизику. Защитился в 1965 году — занимался магнитными полями месторождений золота, тема переросла в докторскую. Продолжил научную тематику своего учителя, профессора Микова, а это, как говорили в старину, был подвижник науки. Школу его мы продолжаем, традиции сохраняем и развиваем — по этой теме уже защищено 30 кандидатских диссертаций.

— Когда вам предложили стать секретарем парткома, вы колебались, выбирая между наукой и идеологией?

— Хотя в партии существовали, как говорится, выборы, думаю, что ни для кого не секрет, что на партсобраниях и конференциях не выбирали, а лишь голосовали, а выбор делали в обкоме партии. Но, с другой стороны, если предложенная кандидатура не устраивала коллектив, то там не настаивали. Почему выбор тогда пал на меня? Очевидно, сказался мой опыт работы в партбюро и затем в парткоме. Колебался, конечно, в душе, но согласился. В те времена, не знаю, плохо это или хорошо, но чувство долга, ответственность превалировали: поручили коммунисту дело — иди и тяни воз. А выбирать между наукой и идеологией не приходилось. К тому времени я уже был доктором наук. Конечно, понимал, что времени на исследования будет меньше, но оставался завкафедрой, находил какие-то резервы. А в парткоме секретарем был на общественных началах. Выкраивал время как только мог для науки. В результате в эти годы вышла моя монография. В общем, совмещал. Повторяю, может, мне и трудно судить, но идеологией особо в парткоме мы не занимались, тем более администрированием ЦУ, то есть ценные указания партначальников, которые, бывало, по интеллекту уступали членам нашего парткома, эти ЦУ мы как могли амортизировали, перерабатывали. В парткоме постоянно шли сотрудники со своими заботами и не только коммунисты. Мы также служили в какой-то степени противовесом в отношении с ректоратом. Приходилось иногда идти и на конфликт, отстаивать свою позицию. Не одной идеологией — занимались всем: учебной, научной, общежитиями, хозяйственными работами и прочим. Как влияли на науку? Главное, что удалось убедить ученых больше работать для Томской области. Сейчас парткома нет, кажется, и ничего, что нет какого-то объединяющего центра общественной жизни, но времени прошло мало, все пока движется по инерции. Придет срок — и нужда в таком центре возникнет. Пусть это будет не партком, что-то другое, но общественная жизнь не должна замереть.

— Можно один неудобный вопрос: какими привилегиями вы пользовались за время секретарства?

— Здесь и вспоминать нечего — никакими. Повторяю, работал на общественных началах, деньги не получал за эту должность, только головную боль. Мало того, ни разу не был на курорте или в доме отдыха. Квартиру тоже получил на общих основаниях: будучи уже профессором, все еще стоял на очереди, а жил в ветхом жилье 25 лет с семьей из 6 человек. 7 лет был в очереди первым, будучи, повторяю, уже профессором.

— Дети пошли по вашим стопам?

— Как сказать. У меня три сына. Старший после вуза работает в СФТИ, средний учится в МАИ, младший — школьник. Все любят точные науки, это, наверное, наследственное, в остальном каждый идет своим путем.

— Леонид Яковлевич, вот мы с

вами беседуем, вспоминаем те годы, самый, как говорят, пик застоя. Идеологическая мишура, ордена на груди Брежнева, глупые лозунги сейчас кажутся смешным и каким-то мелким злом по сравнению с пустыми полками, стрельбой в «горячих» точках, возрастанием напряженности от баталлий на съездах до покасовок в магазинной очереди. Сейчас все зыбко, в стране анархия и разруха, экономика как после войны, а тогда была стабильность, относительная сытость по сравнению с сегодняшним днем. Нас называли «империей зла», и это верно, но сейчас зла, по-моему, даже стало больше. Разговариваешь с людьми, и многие вспоминают то время с ностальгией — были мощной державой, а сейчас, распадаясь на кусочки, стоим с протянутой рукой у парадного подъезда Запада. Больно, говорят люди, тяжело это сознавать.

— Что тут сказать? Конечно, тяжело. Экономика действительно как после войны, но тогда, у людей была вера, что вскоре жизнь наладится, все знали, к чему стремиться, куда идти. И с каждым годом становилось легче в экономическом плане. А сегодня многие растеряны: изменения наступают столь быстро, все меняется, как кадры на киноленте — не успеваешь обдумать, как уже это отменили и предложили иное. Я тоже вспоминаю с грустью о прошлом, но ведь сегодняшние трудности коренятся именно в этом прошлом. Застой действительно был, и мы это знали: все сгнило, особенно наверху, и без перестройки было не обойтись. Хоть кое-что и лежало на полках, но экономика была самодеятельной, так что нынешний итог закономерен.

— Как вы думаете, что будет дальше с КПСС, ведь вы не вышли из партии? Как относитесь к партии Руцкого? К тому, что генсек Горбачев, как пешкой, пожертвовал партией?

— Убежден, что вокруг оставшихся коммунистов соберутся прогрессивные, демократически настроенные люди с социалистической ориентацией. Сторонников подобного движения, уверен, много. Закрывать можно партию как организацию, но закрыть идею нельзя, как не удастся остановить развитие общественно-политических процессов. Партия Руцкого? Она пока на деле себя не проявила, так что трудно судить. Однако та партия уже бесцеремонно заявила: мы правопреемники, де, всей собственности российских коммунистов. С народом, естественно, не посоветовались, референдум среди коммунистов не проводили. Что я думаю о Горбачеве? Неизвестно, чем он руководствовался, когда отказался от поста генсека и, по существу, зачеркнул судьбу КПСС. Полагаю, есть два варианта такого поступка: боялся за свое президентство, что победившим будет ненужным, или опасался, что в эйфории победы, если не сделать упреждающий маневр, начнутся экстремистские перегибы, «охота на ведьм» и тогда пострадает много честных людей. В этом случае он выбрал меньшее из зол.

— Как у вас сегодня идут дела в науке, на кафедре?

— Сейчас большие проблемы с финансированием, предприятия неохотно заключают хоздоговора. Надо было искать какие-то пути, чтобы сохранить научный потенциал кафедры. Мы открыли малое предприятие «Геоинформатика» — разрабатываем математическое обеспечение и создаем программы для персональных ЭВМ. Скоро год, как оно работает, и весьма успешно. Благодаря ему мы сохраним кадры и продолжим научные исследования. У нас все поддерживают идею университета на базе ТПИ, думаю, и наша кафедра не уронит чести, а весь институт перейдет на новую ступень.

— Последний вопрос: верите ли вы, что Россия возродится?

— Да, я оптимист. Верю, что все образуется, что здравый смысл возьмет верх, спадет эйфория, начнется трудная, но созидательная работа.

Беседовала Н. КУЦАН.

Не сгореть бы в огне

Мы, интеллигенция, плохо живем, говорит мой коллега, перечисляя при этом, чего у нас нет, хотя легче было бы сказать что у нас есть. Но меня удивило то, что в числе этих всех «нет» не оказалось главного — у нас у самих нет нашей сущности — интеллигентности.

Ну, скажите, мыслимо ли, когда профессор, доцент, преподаватель вступает в схватку со студентом, стоя в очереди в кассу за деньгами? Страшно то, что в этой недостойной интеллигентного человека ситуации возникает мысль о том, как избавиться от изнурительных очередей, где мы, переписанные, пресмыканные, забываем о своем облике, о том, как помочь студенту выстоять в

этой схватке. Что это? Злоба, нежелание помочь слабому, воинственность, заложенная в нашу сущность? Не живем, а существуем по закону «вся жизнь — борьба», от которой остаются одни руины с надписью «бди!».

Даже очаги цивилизованного бытия, библиотеки, наши ближайшие помощники в профессиональном деле, и те не избегают баррикад. Казалось бы, все условия есть в НТБ для творчества и умиротворения: прекрасные залы, профессиональное обслуживание, минимум вечно живущего бюрократизма и столько же читателей. Но и здесь бывают дни повышенного психологического накала, источник которому нулевой уровень общения от-

дельных работников и читателя. Надеюсь, что интеллигентность Нины Васильевны — не исключение, а скорее всего типическое для работающих в НЧЗ, я позволила себе прийти не с тем документом, который должен быть, но не менее, а более важным для гражданина. И что же? Я как провинившийся мальчик, жалкий проситель была высечена раздражительным выговором, требовательностью сиюминутного исполнения правил. А ведь можно было, не унижая достоинства человека, заглянув в паспорт, назвав его по имени, отчеству, спокойно сказать: «Извините, но мы вас сегодня обслужить не можем. Правила не позволяют». Досадно

было бы, но не столь унижительно.

В другой раз у меня было все, что надо для читателя, не было только одного — времени. Не могла даже пяти минут ждать (ситуация), пока библиотекарь закончит телефонный разговор. Извинившись, осмелилась попросить принести литературу. Лучше бы не осмеливалась и лучше бы не извинялась...

Наверное, прав был вождь, когда писал, что интеллигенция — нуль, ежели она не примкнет к воинствующему классу.

Вот и стоим мы, «нулики» в ожидании падения от воинствующих «классов».

Г. ЯЛОВСКАЯ,
доцент кафедры политической истории и политологии.

ДОПЛАТЫ

Госкомнауки и высшей школы РСФСР утвердил новое «Положение о порядке установления доплат за неблагоприятные условия труда в учебных заведениях, предприятиях, учреждениях и организациях системы Государственного комитета РСФСР по делам науки и высшей школы».

В этом Положении, в частности, говорится: «...Ректорам... предоставляется право по согласованию с профсоюзными комитетами устанавливать работникам доплаты за неблагоприятные условия труда вне зависимости от занимаемой должности и оклада по результатам оценки условий труда: на работах с опасными, вредными и тяжелыми условиями труда — в размере 50 рублей в месяц; на работах с особо опасными, особо вредными и особо тяжелыми условиями труда — в размере 100 рублей в месяц».

Доплаты производятся по фактически отработанному времени. Решения о выплате доплат принимаются экспертными комиссиями. Ответственность за достоверность характеристики условий труда несут руководители структурных подразделений».

Приложение к Положению содержит два перечня работ. В первом 181 пункт — работы, на которые устанавливается доплата 50 рублей. Во втором (доплата 100 рублей) — 42 пункта.

Действовать новое Положение начнет с 1 января 1992 года.

«Красный день календаря»

Вернулся недавно мой ребенок из детского сада и радостно сообщил: «Мамочка, мы сегодня разучивали стихи к утреннику». «К новогоднему?» — удивилась я тому, как заранее готовятся воспитатели к празднику. «Нет, к 7 ноября» — последовал ответ. «А что, будет такой праздник?» «Воспитательница сказала, разучим на всякий случай», — ответил мой пятилетний ребенок, до конца не понявший, причем тут «случай».

Предлагаю стихи вашему вниманию:

Кремлевские звезды над нами
горят,

Повсюду доходит их свет.
Хорошая Родина есть у ребят,
И лучше той Родины нет!

День Седьмого ноября —
Красный день календаря.

Посмотри в свое окно:
Все на улице красно.

Выются флаги у ворот,
Пламенем пылая.

Видишь, музыка идет,
Там где шли трамваи.

Вся страна, и стар, и млад,
Правднует свободу (!?),

И летит мой красный шар
Прямо к небосводу.

Не шуми, осенний ветер,
Что ты дуешь зря?

Пусть услышат все на свете
Песню Октября!

Если солнышко над нами —
Солнцу каждый рад.

Хорошо идти с флажками
На большой парад!

(Окончание. Начало на 3-й стр.).

как мы всегда говорили.

Ноябрьские праздники, каждому свое. Не будет у нас еще долго-долго просвещенных капиталистов, а будут вот такие, знающие одно: больше нахапать. Да и откуда им взяться, просвещенным и милосердным, ценителям изящного? — Былая культура купечества утеряна вместе с генофондом, дворянства как класса не существует. Только только за эти годы стала складываться новая элита, и возможно, их потомки стали бы просвещенными капиталистами, но нет: опять кто был ничем — теневиком, мафиозой, торгашом «обувной отдел» — станут всем и будут указывать, как нам жить, если, как они, не умеем воровать и хапать. Но богатых у нас не любят в народе, это еще с дореволюционных времен, это в крови — бедность не порок, это связано с православной религией, где почитались униженные и ос-

Революция продолжается?

корбленные (в отличие от протестантской, в США, например, где внушалась мысль, что Бог любит тех, кто трудится и зарабатывает добро материальное). Русские всегда больше о душе пеклись, чем о сундуке, уж такие мы есть: полудевропейцы — полуазиаты и не можем вписаться ни в ту, ни в другую культуру, может, и вправду, когда-нибудь изобретем свой путь?

Итак, народ не любит всех этих кооператоров, коммерсантов — спекулянтов. Кроме злости, никаких чувств они не вызывают. Кстати, многие со стояния на Западе начинались со спекуляции, например, спиртным, а предки Моргана были пиратами. Медленно давай-те повторим: народ не любит богатых. И не надо о Польше и иже с ней. В Польше такого,

как у нас, социализма не было, оставалась частная собственность и даже фермеры, да и лет они прожили в «соц» немного, живы еще те, кто жил при капитализме, навыки не совсем утрачены, да и страна очень религиозна, граждане законопослушны, а папа в Ватикане их благословил. И население там однородное, не то, что у нас в России, не говоря уже о Союзе, много наций, и каждая в свою дуду — полный раздрай.

Мы как звери, выпущенные из зоопарка в тайгу и джунгли. Вертим головами и не знаем, что делать, как выжить. Известно, что зверь, родившийся в неволе и знавший только кормежку из чужих рук, выпущенный на волю, не умеет добыть себе корм, умирает.

В книге Д. Адамс говорится об эксперименте над леопардами: из зверинца их выпустили сначала не на свободу, а в огромный в несколько гектаров огороженный вольер. Их учили охотиться, привязывая живых коз, их тренировали быть опять хищниками, а они не хотели и все стремились к родному корыту и рукам хозяйки, лишь единицы смогли адаптироваться. А мы сможем? Или как пел Высоцкий: «На татуированном кровью снегу тает надпись: мы больше не волки». Как же тогда жить в волчьем мире, где ради наживы идут на все, как жить?

Сейчас заговорили об едином экономическом пространстве, и это очередная «лапша на уши». Это сказки о взаимовыгодной торговле между республиками; если ры-

нок, значит прибыль, и кто-то в накладе. И если, как я недавно прочитала, Украина предлагает России за тонну нефти 30 кг сахара, а Китай — 400, то нам взаимовыгодней с Китаем, а Украине — шип. Так что ждут нас тяжелые времена, и призрак Югославии бродит по нашей земле. Спаси нас Бог, дай море терпения народу, потому что если он не выдержит и реформы сорвутся — мы вернемся к кровавой диктатуре, ведь без крови разбушевавшуюся стихию не усмирить. Сдила варварского первоначального периода и Харибда диктатуры — как нам пройти и уцелеть? Или перефразируя поговорку о короле: революция умерла. Да здравствует революция? Ох, слишком много их на наши головы.

Н. КУЦАН.